
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Александр БАЛТИН

ВЕСТЬ ВАДИМА ШЕФНЕРА

1

Во времена всеобщего слома, развала старых устоев и условности новых, естественно, и поэтическое мастерство подвергается сомнениям — если не ставится под вопрос вообще необходимость оногo; и графомания выдается за игру в графоманию (как в случае с пресловутым Приговым), и любые словесные выверты могут объявляться чуть ли не новым словом в поэзии (в целом стремительно превращающейся в рудимент реальности)...

В такие времена обращение к подлинным мастерам может быть целительно, и Вадим Шефнер один из тех, кто волшебнo владел удивительнo тонким механизмом поэтического слова.

Любые из вещей или явлений мира обращались у него в словесное золото, и даже, казалось бы, совсем непоэтические темы расцветали яркими цветами созвучий:

Статистика, стрoгая муза,
Ты реешь над каждой судьбой.
Ничто для тебя не обуза,
Никто не обижен тобой.
Не всматриваешься ты в лица
И в душу не лезешь, — а все ж
Для каждой людской единицы
В таблицах ты место найдешь.

Что интересного для поэзии в сухости статистического мира? А вот поди ж...

История и пейзаж, насыщенность переживаний, тропы и тропинки жизни, городской сад и детство, льдина и время — все оживало в таинственно-великолепном мире Шефнера четко выверенными стихами, точно алхимическая реакция превращала факты действительности в золото искусства (не говоря о празднике слов).

Александр Львович Балтин родился в Москве в 1967 году. Поэт, прозаик, литературный критик. Автор 85 книг (включая Собрание сочинений в пяти томах) и свыше 2000 публикаций в более чем 150 изданиях России, Украины, Беларуси, Башкортостана, Казахстана, Молдовы, Италии, Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии, Франции, Дании, Испании, Израиля, Эстонии, Якутии, Дальнего Востока, Ирана, Канады, США.

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная высится стена.
Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

Строки то мускульно сжимаются, то свободно разворачиваются, раскрываясь в реальность, — строки, продиктованные реальностью и преображенные музыкой смысла; и зеркало, точно повисающее над бездной, сообщает метафизический аспект существованию — и человеческому, и стиха.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Стихи гранятся и выплавляются, чеканятся и точно вырезаются на дереве; и дело тут не в приемах, а в глобальном поэтическом видении мира: обширного и разнообразного, когда ни одна деталь не должна быть упущена.

Шефнер и не упустил ни одной детали из каталога мира.

Благородство, аристократизм, присущие его стихам, великолепны и сами по себе — и являются живым укором нынешним филологическим игрищам и стебным выкрутасам — или банальному псевдопатриотизму с безликой рифмовкой березок с чем придется...

В одном из последних стихотворений Вадима Шефнера есть строчка: «Лишь смерть бессмертно молода...»

И в этой формуле нет трагизма — есть ясное осознание бесконечности жизни, ее силы и энергии, которые не могут замгнуться со смертью, как не может закончиться жизнь.

Как не могут поблекнуть превосходные стихи Вадима Шефнера.

2

Благородство речи, возвышенная простота, высокая ясность мысли — вот свойства, которыми можно охарактеризовать поэзию Вадима Шефнера, этого паладина из Петербурга:

А в старом парке листья жгут,
Он в сизой дымке весь.
Там листья жгут и счастья ждут,
Как будто счастье есть.

Грусть естественна, как сожжение листьев, как дыхание, но грусть эта — светла, а когда ее касается поэзия — могущественна.

Шефнер рисует словом, и не просто графика, хотя и она тоже дается сполна, но и словесная живопись завораживает.

И медленно уставив изумруды
Бездумных глаз, недвижимых, как всегда,
Лягушки, словно маленькие Будды,
На бревнышках сидели у пруда.

Все становится мудростью, прорастая в мировосприятие поэта, и недаром в одном из последних его стихотворений говорится:

Лишь смерть бессмертно молода.

Стихи тяготеют к бессмертию, запрещенному для плотского человека; вертикальные густки слов на бумаге лучат энергию, необходимую для других, мающихся жизнью или наслаждающихся ею, и, грандиозную панораму представляя собою, вписаны в действительность стихи Вадима Шефнера.

3

...Фантастическое, свое и — отчасти вечно детское мировидение было настолько присуще В. Шефнеру, что переход его в прозу фантазмагорического оттенка был логичен; а в поэзии невероятная оптическая точность в сочетании с выверенностью строки и необычностью нот-определений давали высокие и прекрасные эффекты:

Дождя серебряные молоточки
Весеннюю выстукивают землю,
Как миллион веселых докторов.
И мир им отвечают: «Я здоров!»

Восхитительное детское чудо, рожденное зрелым мастером поэзии...

Мир здоров?

Но Шефнер совершенно о другом мире; впрочем, и это «здоровье» — всегда условное — говорит о жизнелюбии поэта, неумении унывать.

Вот мегафизик, живущий в поэте, исследует сущность вещей, стремясь постичь корни и альфу бытия через них, такие конкретные, столь необходимые, способные, однако... тянуть на духовное дно:

Умирает владелец, но вещи его остаются,
Нет им дела, вещам, до чужой, человеческой беды.
В час кончины твоей даже чашки на полках не бьются
И не тают, как льдинки, сверкающих рюмок ряды.

Может быть, для вещей и не стоит излишне стараться, —
Так покорно другим подставляют себя зеркала,
И толпою зевак равнодушные стулья толпятся,
И не дрогнут, не скрипнут граненые ноги стола.

Ювелирная огранка строк играет той мерой серьезности, которая оптически ясно показывает, насколько жизнь одна.

Причем она виртуозность совпадает с естественностью дыхания, с каким Шефнер вводит стихи в мир, ныне противоречащий поэзии вообще.

А вот — неожиданно сходятся, лучась особою энергией смысла, история, природное пространство, и рукотворный мир:

Стою на крутом виадуке,
Как будто подброшенный ввысь.
Внизу там — речные излучки,
Там рельсы, как струи, слились.

Там горбится снег подзаборный
И плачет, ручьи распустив;
Там плавает лебедем черным
Маневровый локомотив.

И поэзия оного локомотива переливается на солнце духа.

Исследование снов совпадает с исследованием ощущений, оставшихся от войны — ритм произведения меняется, становится жестким, отчасти пружинящим:

Нам снится не то, что хочется нам, —
Нам снится то, что хочется снам.
На нас до сих пор военные сны,
Как пулеметы, наведены.

И снятся пожары тем, кто ослеп,
И сытому снится блокадный хлеб.

И те, от кого мы вестей не ждем,
Во сне к нам запросто входят в дом.

Жесткость и четкость работают совершенными механизмами.

Сокровищница Шефнера щедро растворена в мир: таинственных откровений и ярких огней много совмещая, она призывает к неустанному совершенствованию — души, сердца, вкуса...